

Пролог

Спрингдейл, Индиана
Четверг, 23 ноября, 23:45

Он не сводил довольного взгляда с языков пламени. Дом пылал.

Ему чудились крики: «Помогите! Господи, помогите!» Он надеялся, что эти крики звучат на самом деле, а не только в его воображении. Надеялся, что их терзает мучительная боль.

Они оказались в ловушке. На целые километры вокруг ни единого другого жилья, некого позвать на помощь. Он мог бы достать мобильный телефон. Вызвать полицию. Пожарников. Уголки его губ поползли вверх. Но зачем? Они наконец получили то, чего заслуживали. Наконец. И то, что получили они это из его рук, только... справедливо.

Он не помнил, как поджигал дом, но понимал, что больше некому. Не отрывая взгляда от горящего здания, он поднес ладони к носу. Понюхал кожаные перчатки. Уловил исходящий от них запах бензина.

Да, это сделал он. И он чувствовал отчаянную, глубочайшую радость от того, что поступил именно так.

Он не помнил, как ехал сюда. Но как иначе он здесь очутился? Он узнал дом, хотя никогда в нем не жил. Если бы он здесь жил, все было бы иначе. Если бы он здесь жил, Шейн остался бы цел и невредим. Возможно, Шейн и сейчас был бы жив, а глубокая, бурлящая ненависть, о которой он так долго не вспоминал, возможно, никогда бы не возникла.

Но он здесь не жил. Шейн был один, агнец среди волков. А к тому времени, когда он вышел и вернулся, его брат уже не был счастливым мальчиком. Когда он вернулся, Шейн ходил, опустив голову, а в его глазах читались стыд и страх.

Потому что они причинили ему боль. Гнев кипел и булькал. В этом доме, который должен был стать для Шейна убежищем,

в этом доме, который сейчас был охвачен поистине адским пламенем, Шейну причинили такую боль, что он никогда уже не стал прежним.

Шейн умер. И теперь они испытывают ту же боль, какую испытывал он. Это... справедливо.

Он догадывался: то, что бурлящие в нем ненависть и гнев время от времени выплескиваются на поверхность, неизбежно. Ведь они составляли с ним единое целое — столько, сколько он себя помнил. Но причина гнева... Причину эту он скрывал ото всех. Включая себя самого. Он так долго ее отрицал, так хорошо пересказывал свою выдумку... Даже ему не всегда удавалось вспомнить правду. Существовали целые отрезки времени, о которых забыл даже он. О которых он заставил себя забыть. Потому что воспоминания причиняли слишком сильную боль.

Но теперь он вспомнил. Каждого, кто поднимал на них руку. Каждого, кто должен был защитить их, но не защитил. Каждого, кто смотрел в другую сторону.

Все произошло из-за того мальчика. Мальчика, который напомнил ему о Шейне. Мальчика, который взглядом просил его о помощи. Просил его защиты. Сегодня вечером во взгляде мальчика появились страх и стыд. Этот взгляд отбросил его на много лет назад. Отбросил в то время, которое он очень не хотел вспоминать. Когда он был... слабым. Жалким. Ни на что не годным.

Он прищурился, глядя, как языки пламени лижут стены деревянного дома, пылающего ярко, словно сухой хворост. Он уже больше не слаб, не жалок и уж точно на что-нибудь да сгодится. Теперь он берет, что хочет, и к черту последствия!

Отодвигая в сторону гнев, вперед осторожно выползал здравый смысл — он к этому уже привык.

Иногда, к сожалению, последствия посылали к черту его самого. Особенно в тех случаях, когда гнев брал над ним верх, — вот как сегодня вечером. Сегодня отнюдь не первый случай, когда он отступит и смотрит на дело своих рук, будучи практически не в состоянии вспомнить, как же так вышло. Но пожар он устроил впервые...

Он нервно сглотнул. Этот пожар был первым за долгое время. Но не первым поступком такого рода. Необходимым поступком. Поступком, который привел бы в тюрьму, если бы его поймали. Настоящую тюрьму, а не в Центр заключения для несовершенно-

летних — в Центре, конечно, было довольно тяжело, но вполне терпимо, если ты не полный идиот.

Сегодня он совершил убийство. И не жалел об этом. Нисколько. Но ему повезло. Дом стоял в уединенном месте, вдалеке от любопытных глаз. Но что, если бы дом находился в обычном городском районе, где рядом куча соседей? Что, если бы его заметили? Он постоянно задавал себе один и тот же вопрос: «Что, если меня поймают?»

Однажды бурлящий гнев втянет его в такие неприятности, из которых без посторонней помощи ему не выбраться. Гнев управлял им. Делал его уязвимым. Он заскрежетал зубами. А уязвимость — это качество, которого он никогда больше в себе не допустит.

Внезапно ответ на этот вопрос показался ему удивительно простым. Гнев должен исчезнуть.

Значит, должна исчезнуть причина гнева. А это значит, что должны исчезнуть все те, кто причинял ему боль, кто отводил глаза, — они все должны исчезнуть. Он стоял, смотрел на огонь, и в его памяти всплывали все эти люди. Он словно наяву увидел их лица. Услышал их имена. И почувствовал ненависть.

Он склонил голову к плечу. Крыша здания обвалилась внутрь, выбросив в небо сноп искр, ярких, словно миллион крошечных костров. Да, он устроил сегодня адски шикарный фейерверк.

Тяжело будет отказаться от таких представлений. Но, разумеется, придется. Он все доводит до конца. Что бы он ни сделал, сделать это нужно будет на высшем уровне. Ради Шейна. И ради себя. Тогда он сможет наконец закрыть эту главу своей книги жизни и пойти дальше.

Возможно, последнего дождя искр окажется достаточно, чтобы сюда примчались все машины из местного пожарного депо. Пожалуй, нужно убираться, пока есть такая возможность. Он сел в машину и, кривя губы в улыбке, направился обратно в город. В голове у него уже начали возникать первые пункты плана.

Это будет адское представление. И когда занавес опустится, Шейн сможет наконец упокоиться с миром.

И я наконец буду свободен.

Глава 1

Чикаго

Суббота, 25 ноября, 23:45

В окно ударила ветка, и Кейтлин Барнетт вздрогнула.

— Это просто ветер, — пробормотала она. — Не будь ребенком.

Однако завывания за окном ее нервировали, а поскольку она к тому же сидела одна в скрипучем старом доме Дауэрти, страх не уходил. Она опустила глаза в учебник по статистике — причину ее одиночества субботним вечером. Вечеринка в «3-эпсилон» явно куда более веселое занятие, чем это. И более шумное, конечно. Вот почему она сейчас сидит здесь и учит чертовски скучный предмет в тишине скучного старого дома, вместо того чтобы пытаться подготовиться к занятию, сидя в центре шумной вечеринки.

Преподаватель статистики поставил экзамен на утро понедельника. Если она не сдаст, то завалит сессию. Если она не сдаст еще один предмет, отец отберет у нее машину, продаст, а на вырученные деньги свозит ее мать на Багамы.

Кейтлин стиснула зубы. Она ему покажет. Она сдаст чертов экзамен, даже если это ее убьет. А если и не сдаст — денег на счете у нее почти хватает на то, чтобы самой купить эту чертову машину, а может, даже и получше. Деньги, которые Дауэрти платят ей за просмотр за котом, невелики, но на машину их более чем хватит, и...

Новый звук заставил ее резко поднять голову и испуганно вглядеться в темноту. Что это такое, черт возьми? Звук шел снизу. Словно... словно кто-то тащил стул по деревянному полу. *Звони в полицию.* Она уже положила руку на телефон, но сделала глубокий вдох и заставила себя успокоиться. «Наверное, это всего лишь кот».

Какая глупость — вызывать полицию из-за десятикилограммового чересчур избалованного персидского кота. К тому же она сейчас не должна находиться здесь. Миссис Дауэрти высказалась на этот счет

предельно ясно. Девушка не должна «оставаться на ночь». Не должна «устраивать вечеринки». Не должна «пользоваться телефоном». Она должна кормить кота и выносить за ним мусор, и точка.

Дауэрти могут рассердиться и отказаться ей платить, если узнают, что она была здесь. Кейтлин вздохнула. Кроме того, эта информация обязательно дойдет до ушей отца, а уж он-то непременно разыграет такую карту. Столько проблем из-за глупого пушистого кота по кличке Перси? Ну уж нет!

Впрочем, осторожность не помешает. Кейтлин тихо вышла из гостевой спальни дома Дауэрти, которой пользовались как кабинетом, и проскользнула в спальню хозяев. Там она достала из ящика прикроватной тумбочки маленький пистолет и сняла его с предохранителя. Оружие она нашла, когда искала ручку. Это был пистолет двадцать второго калибра — точно такой же, как тот, который она не раз держала в руках на стрельбище, куда ходила с отцом. Отведя руку с пистолетом за спину, она спустилась по лестнице. В коридоре было темно, хоть глаз выколи, но она боялась включить свет.

Прекрати, Кейтлин! Звони в полицию!

Но ее ноги снова и снова беззвучно опускались на покрытую ковром лестницу, пока Кейтлин не наступила на рассохшуюся ступеньку, предпоследнюю, и та громко скрипнула. Девушка резко остановилась и прислушалась, сердце ее отчаянно колотилось.

И услышала, как кто-то напевает. В доме кто-то был и напевал!

Этот звук был заглушен пронзительным скрипом, словно по полу волокнисто что-то тяжелое. Затем до нее долетел запах газа.

Беги! Зови на помощь!

Кейтлин качнулась вперед, приготовившись бежать, но забыла о последней ступеньке. Нога подвернулась, и она упала на колени, выпустив пистолет из рук. Он отлетел в сторону, стукнув о доски пола. Громко стукнув.

Пение прекратилось. Она отчаянно рванулась за оружием и попыталась нащупать его в темноте, в панике хлопая ладонью по прохладной древесине. Наконец Кейтлин обнаружила пропажу и тут же вскочила на ноги.

Беги! Беги! Беги!

Девушка успела сделать два шага по направлению к двери, когда сзади на нее обрушился удар такой силы, что она упала на колени.